
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

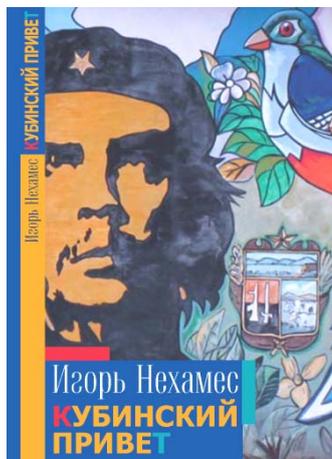
Рагим Мусаев
(г. Тула)

ВСЕМ ПРИВЕТ

*Впечатления от книги Игоря Нехамеса
«Кубинский привет»*

Постоянный автор журнала, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

«Кубинский привет» Игоря Нехамеса, вышедший в 2015 году в московском издательстве «У Никитских ворот», собрал под одной обложкой прозаические и поэтические впечатления автора об Острове Свободы. Вечный Фидель, сигары, винтажные автомобили и, конечно же, ром! Вот, пожалуй, и все, что приходит в голову нам при упоминании этой далекой страны. Почти ничего из этого ряда потертых ассоциаций вы не найдете в «Кубинском привет». По крайней мере, эти явления совершенно точно не играют в книге сколь-нибудь заметной роли, и читателю придется потрудиться, чтобы найти упоминания о них.

О чем же книга? О прошлом и настоящем Кубы, о зарождении кубинской революции, о любви и дружбе, о порядочности и предательстве, о жизни и смерти...

Она обо всем. Потому что она о жизни во всей ее полноте.

Кто же главный герой? Автор прямо его не называет. Более того, может показаться, что его во всей этой пестроте сюжетов и впечатлений попросту нет. Тем не менее, все рассказы, стихи и даже двустушия-восклицания объединены общим героем. Это Старая Гавана. Самобытный и неповторимый район кубинской столицы. Его населяют удивительно непохожие одинаковые люди: находчивая негритянка Кончита, спесивый агент Ли, уличный музыкант Оскар, непокоренная учительница Сильвия, одинокий охранник Эухенио, простоватый рубщик кокосов Мигель.

Игорю Нехамесу удалось показать самых обычных кубинцев неожиданно интересно и ярко. Каждый из них стремится, любит, страдает, болеет, радуется, переживает, зарабатывает. История каждого — отдельная тема повествования и размышле-

ния. Но у всех них есть нечто неуловимо объединяющее. То ли это пережитые страдания и разочарования, то ли гордый, непокорный нрав, позволяющий гнутья, но не дающий ломаться. А может быть, их объединяет неукротимое желание жить? Жить вопреки. При этом жить долго и счастливо. С готовностью в любой момент умереть за свои идеалы. Чудны обитатели Старой Гаваны.

Удивительным образом эта загадочность кубинской души не отталкивает, а приближает диковинную Кубу к российскому читателю. Очень скоро манкость наносной экзотики отступает, и на авансцену выходят простые, понятные всем человеческие чувства и проблемы.

И в этот момент ты понимаешь, что беды и проблемы Кубы середины прошлого века удивительно преломляют и проявляют отчасти сегодняшнюю, а отчасти недавнюю Россию. Камертоном этого понимания становится самый первый рассказ книги «Боги Барбудки». Он, как эпитафия, предваряет наше восприятие «Кубинского привет», обнажая скрытые безвременьем российско-кубинские связи. К удивлению, они оказываются и крепче, и серьезнее, чем принято думать. Согласитесь, немногие знают о помощи кубинцев в лечении советских детей, пострадавших от чернобыльской катастрофы.

Далее следует основное по смыслу и объему произведение книги — «Галапагосский спасатель», погружающее читателя в неспешно-коварную атмосферу океанского острова середины XX века с расплавленным от вездесущего солнца воздухом, сонным океанским бризом и экспансивно-взрывными страстями.

Невозможно не проникнуться любовью к пылливому герою повести Хави Фаранесу. Он неприлично юн, сметлив, честен и порядочен в своих целях и желаниях. В какой-то момент начинает казаться, что автор излишне идеализирует парня. Но все скоро объясняется его наивным возрастом. К тому же, опытный литератор умело наделяет героя неидеальными поступками. Впрочем, они лишь усиливают симпатию читателя.

Пересказывать сюжет «Галапагосского спасателя» — дело неблагодарное. Лучше и проще прочесть. Отмечу лишь, что повесть увлекает и держит в напряжении, постоянно подкидывая в топку читательского интереса все новые и новые неожиданные повороты, не дающие возможности предсказать развязку.

Впрочем, на самом интересном месте читателя поджидает предательская фраза «конец первой части». Возможно, такое дробление повести — удачный маркетинговый ход, призванный заинтересовать в приобретении следующей книги автора. Мне эта оторванность показалась сомнительной. Во-первых, не настолько велика повесть, чтобы не уместиться в книге, а, во-вторых, половина повести не производит законченного впечатления. Первая часть, безусловно, раззадоривает интерес. Однако отложенный на финал смысл исканий главного героя выводит на первый план лихой, но легковесный вихрь приключений. А как хочется верить в большое будущее обаятельного Хави Фаранеса!

Герои и истории Игоря Нехамеса несут крайне важную миссию в нынешнем неспокойном, разбитом противоречиями, мире: они объясняют, примиряют и объединяют. И они живые. С ними интересно. За них переживаешь и радуешься.

Отдельного абзаца требует стиль писателя. Автор избрал крайне удачную манеру изложения. Она полностью лишена красот и литературных изысков, а потому ничто не отвлекает читателя от повествования. Стиль Игоря Нехамеса напоминает воздух соснового бора. Вроде бы ничего невероятного в нем и нет, но как вольготно дышать! Городским воздухом дышать тоже можно. Вот только вряд ли кто-то получит от этого удовольствие.

Завершают сборник атмосферные рассказы, объединенные в цикл «Памятные встречи» и поэтические импровизации на кубинские темы. Стихи и «Кубинские вос-

клицалки» переводят восприятие читателя в мир образов, как бы предлагая поближе рассмотреть детали и ощутить ароматы Старой Гаваны.

Рассказы «Визитная карточка Кубы», «Роща Мигеля», «Мышиные бега», «Два Анхеля» и «Самая долгая память» возвращают читателя в современную Кубу и дополняют кубинский колорит мелкими, но крайне важными бытовыми подробностями жизни далекой страны.

Неспешный ритм океанского острова диктует обстоятельные описания героев и событий. Тут симпатии писателя целиком на стороне людей дела. Повар, музыкант, художник,— профессия не имеет значения, если человек отдает ей свою душу. Не нашедшие себе занятия не находят себя. Им остается роль приживалов.

В каком-то смысле этими завершающими частями мозаики автор пытается оценить результаты непримиримой освободительной борьбы ушедшего века.

Интересно, что рассказчик не восхищается и не ужасается. Он лишь напоминает, что история, увы, никого ничему не учит. Поэтому и книга Игоря Нехамеса — всего лишь привет. Привет этот никого ни к чему не обязывает, но задуматься заставляет. «Кубинским приветом» писатель подводит черту под собственными странствиями, раздумьями и впечатлениями, давая читателю возможность ухватить в них свою тему и сделать свои выводы. Почему так? Может быть, потому, что кубинские реалии в зеркале Игоря Нехамеса удивительно преломляют и проявляют нас самих?

Игорь Нехамес

ФИДЕЛЮ КАСТРО РУС

13 августа 2016 г. исполнилось 90 лет со дня рождения Фиделя Кастро. Команданте жив-здоров и трудится на благо Кубы.

У каждого из нас своя планида*:
На белом фоне путь — узора гжель,
Но думаешь всегда про «ларга вида»**
А в страсти нас объединил Фидель!

Страсть эта — в острове Свободы,
В энтузиазме напряженья сил,
В мечте, что снова обрели народы,
Дыша под взмахи многосильных крыл!

Мехам подобно раздуваем пламя,
Огонь наш воплощается в труде,
И революции в руках всполощет знамя!
Увидели его на всей земле!

Бородачи шагали в авангарде:
Карл Маркс и Энгельс, Ленин и Фидель.
И верили, что сила только в правде,
А революцию не посадить на мель!

* Планида — судьба (старорусск.).

** Ларга вида — долгая жизнь (испанск.).

У океана натиск исполина,
Но Куба с честью выдержит шторма!
Грядя преград тогда преодолима,
Когда верна дорога и пряма!

В мельканьи дат, событий и пристрастий
Не просто выбрать правильную цель,
Но созидает авениду* счастья
Неукротимый искренний Фидель!

(Написано 20 февраля 2015 года в 16 ч 45 мин по кубинскому времени в № 767
отеля «Комодоро» в Гаване)

* Авенида — прямая дорога (испанск.).

Юрий Иванов

(д. Бардово, Псковская область)

«РУССКИЙ КРЕСТ» ВАЛЕРИЯ САВОСТЬЯНОВА

Юрий Иванов (лит. псевдоним Иванов-Скобарь) — поэт, журналист, литературный критик. Выпускник исторического факультета Омского государственного университета и сценарного факультета ВГИКа. В середине 90-х переселился на родину предков — в деревню Бардово Бежаницкого района Псковской области. Был директором сельской школы, преподавал историю и литературу. В настоящее время свободный литератор. Автор книги стихов «Хронология обстоятельств» (2010 г.), многих публикаций в российской литературной периодике.

Входит во всероссийскую поэтическую группу «Дикороссов», образованную Ю. Беликовым (Пермь). В последнее десятилетие активно сотрудничает с еженедельником «Литературная Россия».

*«...У поэтов так бывает:
Бог дает им свой язык —
Словно радий добывает
Из любви и горя их...»*

В.Савостьянов.
Памяти Анатолия Брагина

Литература в России всегда была делом столицецентричным. Благо в царской России почти все поэты, как и их читатели-почитатели, были сосредоточены в столицах. При советской власти, широко распространившей грамотность, ситуация не изменилась. Кто жил в столице, тот и был знаменит или, по крайней мере, известен. Не берем совсем уж дальние годы, например, 1920-е, но кого из недавних кумиров мы вспоминаем первыми, когда произносим слово «поэт»? Е. Евтушенко, Р. Рождественский, А. Вознесенский. Можно вспомнить и других, но это наша «святая троица». Кто они? «Дорогие мои москвичи...».

Таланты из провинции, так и не пробившиеся в Москву, оставались талантами для внутреннего пользования. Кому из широких слоев читателей были известны те же Александр Плитченко из Новосибирска или Василий Казанцев из Томска, да тот же Николай Рубцов? Юрий Поликарпович Кузнецов, боюсь, так бы и остался мало кому известным поэтом с локацией в Краснодаре, если бы не смог после окончания Литинститута пристроиться в Москве. Даже ленинградские поэты смотрелись тогда поэтами как бы второго плана. Ситуация была понятна: центральные издания, крупнейшие издательства — все сосредотачивалось в первопрестольной. Публикация в центральном литературном журнале стоила книги, да может быть и не одной, изданной в провинции.

Один из провинциальных представителей традиционной поэзии в нашей стране — Валерий Савостьянов из Тулы. Поэт талантливый и в своей Тульской области хорошо известный. А почему не широко в России? Ведь еще при Советской власти у него вышли книги стихов «Товарищ мой» (Москва: «Современник», 1984), «Календарь» (Тула: Приокское книжное издательство, 1984), «Лебедь с девичьим лицом» (Москва: «Современник», 1989), «Деревенская школа» (Тула: Приокское книжное издательство, 1991).

И позднее, с 2003 года, он автор еще 4 книг стихов (все изданы в Туле) и множества публикаций в различных местных, российских и международных (Армения, Белоруссия, Германия, Латвия, Украина) изданиях, в том числе в престижных всероссийских антологиях: «Русская поэзия: XXI век» (М., 2010), Военной поэзии «Ты припомни, Россия, как все это было!..» (М., 2010), «Поэзию любят красивые люди» (С.-Пб., 2012), «Молитвы русских поэтов» (М., 2013), а также в антологии тульской поэзии «Наши современники» (Тула, 2008) и в хрестоматии «Три века тульской поэзии» (Тула, 2010).

Существует, однако, в литературе и такое понятие, как везение. Кому-то везет с успехом, кому-то нет. Если посмотреть на литературные регалии В. Савостьянова, голова может кругом пойти, чего там только нет! Лауреатств хватит на добрый десяток литераторов (подробно можно посмотреть на «СТИХИ.РУ» <http://www.stihi.ru/avtor/airi2>). И все заслуженно. Что не так? Талант? Дай бог каждому. Биография? Да, литературная — достаточно заковыристая. Житейская?

Обратите, однако, внимание на разрыв в примерах приведенных публикаций: 1991 г. и далее — с 2003 г. А случилось простая вещь: только стал входить В. Савостьянов в литературную известность поэтом поколения Николая Дмитриева, как случился политический катаклизм — развал СССР. И вместо литературных забот пришлось заниматься элементарным выживанием, семью кто-то должен был кормить.

В. Савостьянов родился в 1949 году и прошел долгий жизненный и творческий путь. Инженер по образованию, технарь по работе, издевавший и черный трудовой рабочий хлеб, он должен был выстраивать свою жизнь так, что долгое время три линии — поэтическая, как веление таланта, интерес к науке, как потребность души, и житейская, как необходимость зарабатывать на жизнь семье, шли рядом. Но, с другой стороны, это опять же традиционно-обыденная ситуация для многих литераторов. Как в прежние времена, так и в нынешние.

Но, может быть, «каждому овощу — свое время»? Недаром когда-то К. Чуковский писал: «Писатель в России должен жить долго».

И вот в 2014 году в Тульском издательстве «Гриф и К» вышла в каком-то смысле итоговая для определенного периода книга нашего автора «Русский крест» — очень сильная по уровню, но не очень ровная по содержанию книга. Правда, автор в послесловии сам признает, что не включил многое из своего творчества: философскую лирику, большую часть любовной, рабочую тему. По поводу отсутствия последней особенно жаль, потому что любовная все-таки отражена в одном из разделов; философия опосредованно прослеживается в большинстве стихов. Что до трудовой тематики, то автором в Интернете выложен цикл стихов, даже скорее, поэма о шахтерах, замечательная поэма, отсутствие которой в сборнике несколько обедняет палитру книги.

Автор готовил книгу к 40-летию своего творчества в 2003 г., а издать удалось только к 50-летию литературной деятельности. Таковы реалии нынешнего литературного — и не только — процесса.

Основной корпус стихов, как упоминает автор в своем послесловии, писался в эпоху 1990-х годов. Что это за эпоха, рассказывать не надо. Позор национального

унижения, вакханалия продажи Родины оптом и в розницу, бандитские разборки, разделы и переделы общенародной собственности олигархами при активной помощи и содействия властей. Не дай бог пережить такое снова! Понятно, чем сердце поэта горело, то он и вложил в свою книгу

В сборнике восемь разделов. Уже из перечисления названий видно, что владеет душой поэта, какая «пламенная страсть»: «Дедовы медали», «Гимн Союзу», «Русская вьюга», «И Николай Чудотворец», «Тульский герб», «Девичьи фамилии», «Родословное дерево», «Одиночество поэта».

Что касается «Дедовых медалей», то это так естественно, ведь нет в России семьи, где бы не было погибшего за Родину в годы Великой Отечественной войны. Тема по-прежнему волнует многих. Многие пишут об этом. Но уже не участники войны. Их дети, внуки, которые, конечно, ту войну не видели.

Надо отдать должное В. Савостьянову. Он практически не поддается соблазну описывать войну от первого лица, чем грешил, на наш взгляд, например, столь популярный В. Высоцкий. Поскольку рядовой читатель издавна привык отождествлять лирического героя с автором (тот же С. Есенин, например, приучил, Я. Смеляков, все поэты-фронтовики — если поэт пишет о чем-то, значит, он это пережил, это было с ним), неудивительно, что в свое время ветераны постоянно писали Высоцкому: а не воевали ли мы с вами? А не воевали ли вы там-то и там-то? Актер привык актерствовать и в стихах. Можно, в конце концов, назвать это вживанием в роль. Что, по большому счету, не совсем честно по отношению к читателю (у В. Высоцкого — по отношению к слушателю). В этом плане В. Савостьянов честен предельно. Описание войны у нашего автора только опосредованное: «Фуражка», «Деду», «Дедовы медали», «В доме погибшего летчика», «Солдатка», «Легенда», «С колхозного подвала», «Край роши перекопан...», «Спор по поводу оврага», «На сборы», «Вторые», «Кладбище в Белграде» и другие.

По поводу второго раздела — «Гимн Союзу», — можно сказать, что это по-прежнему большая тема для многих бывших граждан СССР. Кровоточит эта рана и у В. Савостьянова. Достаточно привести хотя бы одни названия стихов, чтобы догадаться об их содержании: «Нищие», «Дефолт», «Ненависть», «Век волков», «Мечты», «Месть», «Чтоб России возродиться...», «Канул век» и т.п. Поэт, образно говоря, «пилит опилки», мучается прошлым. Но изменит ли что-то поэтическая констатация свершившегося краха? Нет, поэтому остается только сожалеть о том, что было и чего уже никогда не будет. Страница истории перевернута, и нужно отдать историкам и политика миссию осмысления того, что было. Потому что эмоции притупились. И надо идти дальше.

И как не мечтать после разорения и покорения страны «героями кошелька», космополитичными «нефлесосами» и прочей гнилой пеной о единстве и победе над темными силами? Неудивительно поэтому частое обращение В. Савостьянова в третьем разделе, «Русская вьюга», к святой для нас теме Куликовской битвы, переломившей трагический ход русской истории и из глубины времен дающей нам надежду на новое возрождение: «Брат», «Засадный полк», «Донской», «Троица»... Тем более, что произошла эта битва на Тульской ныне земле. А Тула, Тульская земля теперь уже испокон веков была и есть защитницей России, ее оружейной кузницей.

«И Николай Чудотворец», может быть, один из самых сильных разделов книги, а беря шире — одна из самых сильных тем В. Савостьянова. То ли с возрастом человек становится ближе к небу, то ли пробуждаются от советской спячки коренные духовные основы бытия русского человека, но что есть, то есть.

*Не гаси мою свечу,
О, Всемилостивый Боже —
Я еще воспеть хочу
Ту любовь, что всех дороже.*

*Ту любовь, что даришь мне
В пору старости бесплодной —
К сыновьям моим, к жене,
К нашей кошке беспородной.*

*И к рассаде, и к цветам,
На окне моем живущим,
И к сияющим листьям,
Строчки новые зовущим...*

*Не веди меня казнить —
Я иду, не зная броду.
Дай мне что-то объяснить
Драгоценному народу!*

*Что — пока не знаю сам.
Но в годину испытаний,
Верю, дашь моим устам
Нежность словосочетаний,—*

*Чтоб не ядом напитать,
Не отмицением, не болью,
Чтоб молитвой отщептать,
Чтоб спасти его любовью!.. («Не гаси мою свечу»)*

Почему Николай Чудотворец? Издавна этот святой был самым популярным персонажем в народном сознании, почти в каждой избе имелись его иконы. Недаром иностранцы называли Николая русским богом.

*Сельское детство, ромашковый рай.
Пристально смотрят с околиц
Дед Николай и отец Николай.
И Николай Чудотворец...*

*Годы студенчества. Угольный край,
Шахты опасный колодец.
Дед Николай и отец Николай.
И Николай Чудотворец...*

*Свадьба запела — ты ей подпевай.
Водочку пьют и ликерец
Дед Николай и отец Николай.
И Николай Чудотворец...*

*Звон колокольный
Сыновьих сердец.
Что же взамен, комсомолец?
Дед умирает. Остался отец.
И Николай Чудотворец...*

*Лень сыновьям постоять у икон —
Вырастет грех твой, утroyсь.
Дед и отец — далеко-далеко.
Лишь Николай Чудотворец...*

*Снится:
У рая — раскаянья грай,
Толпы молящего люда.
Каждому нужен Святой Николай,
Каждому хочется Чуда!*

*— Эй, богомолец с терновым венком,
Что так угрюмо молчишь ты?
Что-то ведь понял ты, став стариком?..
— Что Николаич я. Трижды!.. («И Николай Чудотворец»)*

Идет разговор с читателем о вечном. И это читается с большим интересом, поскольку и это дает надежду на лучшее в нашей жизни, пусть и в будущем. Можно сказать, что это наша национальная идея — счастлирое будущее. Правда, каждый понимает это по-своему: «...Сыны эпохи сталинской И брежневская рать, Пора той церкви старенькой Нам камни собирать». («Пора!»)

Многие сейчас пишут на религиозную тематику, о религии, о церкви, но, к сожалению, что называется, в лоб, путем простого набора церковных терминов — и выглядит это часто до невозможности плоско и глупо. Но сколько ни говори: халва, халва,— во рту слаще не станет. Здесь другое. Не знаю, религиозен ли В. Савостьянов, но о высшем он говорит с вдохновением.

*...И растить ощущение полета,
И с надеждой смотреть в небеса,
Где мерцающий крест самолета
И где ангельских труб голоса...»
(«...А когда я душой неспокоен...»)*

А вот раздел «Тульский герб». Что приходит в голову при слове «Тула»? Самовар, ружье, Левша, пряник, наконец. В. Савостьянов не разочаровывает, обыгрывая в первом же стихотворении этого раздела упомянутый тульский пряник: «Мир порою Тусклый-тусклый, В пресном сереньком чаду, Но купите пряник тульский, Пряник тульский на меду. И, вскрывая неторопко, Не спешите разломить: Может вас уже коробка Красотою изумить...».

В самом лучшем смысле слова поэт топографичен. У него очень много привязок в стихах к местным названиям, местам: «Тульский герб», «Река Воронка», «Рабочий полк», «Плач по Успенской колокольне», «В сквере коммунаров», «Тульская земля», «Город мой с душой железной», «На улице Рязанской» и другие. В этом разделе В. Савостьянов — поэт областного уровня. Он прочно укоренен в своей земле. Он ее

любит. Это сильная сторона творчества. Хотя, например, стихотворение «Тридцать восемь тысяч с половиной» о погибших на Великой Отечественной войне туляках поднимается на уровень выше, чем областной, на уровень обобщений: «Над землей родною, Над былинной, Тридцать восемь тысяч с половиной Муромцев, Поповичей, Добрынь — Вместе с нами Русское раздолье Сторожат от горя И раздора. И попробуй нас располовинь!..»

В другом стихотворении автор не принимает догмы прежних лет, клеймя Ивана Болотникова за то, что вел «Отечество в болото», вешает на вчерашнего «выразителя интересов простого народа» грехи Смуты («Откровенный разговор с Кремлем»). Правда, можно заметить на это, что все мы сильны задним умом.

Но поэт чуток и нежен, когда говорит о земляке — Вячеславе Невинном («Слава»), соединяя имя артиста со славой края.

Но не забывает и тех, кто создал трудовую славу Тулы: «Где народ не весь грешит из-за гроша... И таланты почитая, а не злато, Сердцем чувствуя, что злато — демон злой...». И заканчивает почти молитвой: «Что еще просить? — Помолимся же Богу, Благодарные за роскошь мастерства! Здравствуй, удаль — не задиристых, а смирных! Здравствуй, удаль, что в годину нищеты Для себя из всех изделий ювелирных Оставляет лишь нательные кресты!» («Удаль»).

Поэт живет еще советскими категориями: говорит о дружбе народов, замененной ныне хладнокровной толерантностью, и в стихотворении «Монумент» рассуждает об армяно-русских связях.

А отличное стихотворение «В Пушкинском сквере» можно рассматривать и как уличную зарисовку и как гимн русскому языку: «Здесь пьянчужки пьют, и пьют повесы С дамами, не склонными к стыду... В этом сквере Пушкинском поэты Раз в году, всего лишь раз в году. Солнышко высушивает лужи. Исчезают нехотя бомжи. Отдыхают пушкинские уши От косноязычия и лжи. Ах, как рад он слышать в гуле улиц Строчек поэтических парад: Наконец-то русские вернулись И на чистом русском говорят!..» Вот почему В. Савостьянов — поэт традиционный, он тоже говорит на чистом русском языке.

Автор во многих стихах полон ностальгии об ушедшей юности («Адрес»). Стихотворение тронет всех, поскольку все мы были когда-то юными: «Как друзей своих рисковых И подружек поселковых Сладко вспомнить имена, Так же сладко, — уж поверьте! — Прочитать мне на конверте: «Доменная, 1А»... Что же было там такое? Труб дыханье заводское, Клуб строителей, Шпана, Нос, разбитый в первой драке, Рай «хрущевок» И бараки. «Доменная, 1А»... И велик, не испоганен, Жив Союз! И жив Гагарин, Цель ближайшая — Луна!.. Выпускной — увы! — в спортзале: Зала нет. Но есть медали! «Доменная, 1А...»

Повторюсь, в этом разделе В. Савостьянов выступает как самый крупный поэт Тульской земли. Неудивительно, что весь тираж книги выкупила областная администрация и бесплатно распределила во все библиотеки области. Хорошо, что не все главы регионов делают ставку в своей работе с обществом только на спортивную часть. Кое-кто, на удивление, понимает, что необходима и духовная составляющая жизни народа.

А о разделе «Девичьи фамилии» можно просто говорить цитатами, поскольку как еще передать стихи о любви? «А школьные двери отпели Нам так неожиданно, вдруг. И праздничных платиц метели Навеки умчали подруг...» («Девичьи фамилии»). «И вновь на тропочке туманной, Где скал алеющий оскал, Пел голос женщины желанной — И от себя не отпускал! И было так невыносимо, Что на ветру — она поет, И шторма яростный басина — Ей высказаться не дает!..» («Там где волны биенье злое»). «...В твой театр хожу я, Жду антракта — До сих пор дарю тебе цветы. Друг

звонит. У друга — два инфаркта. И один из них — похоже, ты...» («Актриса»). «...И нежность вспыхнет заново, Лишь в памяти найду Флейтистку из Чертанова В Царицынском саду. Как звать: Аленой, Светою? — Не скажет мне она, А скажет лишь, что флейтою Всерьез увлечена! И что шедевр Баженова И грусть дворцовых ив — Рождают в ней божественный Лирический мотив!...» («Флейтистка из Чертанова»).

Чем старше человек, тем больше интересуется его родословная: предки, родители, жена, дети, родня. Т.е. то, что укореняет любого на этой земле, дает ощущение большой семьи и любви самых близких; быстротечности жизни и печали от невозможности удержать ее бег; наступающее смирение при приближении неизбежного.

Самый большой раздел книги — седьмой — «Родословное дерево». Языком поэзии знакомит нас автор с чувствами и мыслями прожившего большую жизнь человека. Вот детство: «Залезал я на сарай, Чтобы, став повыше ростом, Посмотреть на дивный край, Что за речкой и погостом. И казалось мне тогда: Это место — вроде рая, Потому-то все туда И уходят, умирая. В родниках, в колодцах тех Есть волшебная водица — Лишь одна она годится, Если болен человек. И, омыв печальный лик, Прежде бывшие седыми — Возвратятся молодыми И старуха, и старик. Перельется юный свет В них, отравленных тоскою... У сарая кашлял дед, Глядя в даль, что за рекою». («Залезал я на сарай»). А вот и неизбежное: «Смерть идет в атаку любовую. Но пока мы — внуки и сынки, Держат оборону круговую Доблестные наши старики... Но уже в могильные траншеи Бабушки и дедушки легли. Тех могил зияющие шрамы — Лишь начало, — дух свой укрепил: Видишь, наши папы, наши мамы В поредевшей тоненькой цепи. Долго ль оборону круговую Сдержит их усталый батальон? Смерть идет в атаку штыковую!.. Вот и твой солдатский медальон...» («Вечный зов»). И о невосполнимом: «Мамочка, ты хоть немножко рада, Легче тебе, мама, хоть чуток? — Глянь: твоя могильная ограда, Словно распутившийся цветок! Выкрашены лавочка и столик... И когда к автобусу иду, Оглянусь, — и веселее, что ли? — Будто бы покрасил я беду. Будто потому, что крест не ржавый, А, как мамин локон, вороной, Уж теперь Ни с нашею державой Не случится худа, Ни со мной...» («Мамочка, ты хоть немного рада»). И остаются только воспоминания: «Замело деревню: избы, риги, Света нет — лишь светлячок свечи. Вынимала бабушка ковриги, Круглые, большие, из печи... Обрядили бабушку в обновы Смертные, Отпел ее собор — И такого вкусного, Ржаного Не едал я хлебушка с тех пор...». («Замело деревню»).

Последний, восьмой, раздел «Одиночество поэта»: любой крупный поэт так или иначе осмысливает свои взаимоотношения с коллегами по литературному цеху: предшественниками, поэтическими учителями, ровесниками и учениками, пытается определить свое место в этом строю. Поэтический дар В. Савостьянов воспринимает как проклятье: «...И проклянет — свой дар, Свой труд, Где никакой зарплаты: Стихи не сеют, мол, не жнут — И не годятся в сваты! И вспомнит мамины бинты, Огонь отцова горна...

А Бог посмотрит с высоты — И засмеется горько!..» («Сын кузнеца и медсестры»). Более того, поэт обречен на одиночество: «Все поэты одиноки — Богом так заведено. Каждый сам в дремучей чаще Свою тропочку торит, Каждый крест свой тяжкий тащит — И никто не пособит...». («Одиночество поэта. Памяти Николая Дмитриева»). И это поэтическое «счастье» может закончиться трагически, как это не раз бывало в русской литературе: «Почти чужой, Почти родной, Ни франтом не был ты, Ни хватом — И вот стоишь передо мной В своем костюме мешковатом. Стоишь и хмуришься: «Шалишь! Опять неискреннее слово!..» За день до выстрела стоишь, До рокового...». («Боль. Памяти Александра Толмачева»). Поименно вспоминает того или другого своего товарища: Бориса Голованова, Анатолия Брагина, Николая Дмитриева, Юрия Щелокова, Владимира Большакова, — посвящая им проникновенные

строки. Да и вообще В. Савостьянов — благодарный поэт и человек: он в своей книге отдельным списком вспоминает всех литераторов, критиков, поэтов, журналистов, редакторов, с кем так или иначе соприкасался на своем творческом пути.

Особое чувство В. Савостьянов испытывает к поэту-фронтовику Н. Старшинову, считая его крестным отцом, благословившим в большую литературу, и которому посвятил не одно благодарственное стихотворение: «Рекомендация», «Смерть Старшинова», «Старшиновская пехота». И трепетно вспоминает не дожившего до старости Николая Дмитриева...

Завершается раздел и книга стихотворением «Поэзия — хлебом не кормит...»:

*Поэзия — хлебом не кормит,
Воды — не дает ни глотка.
Порою творцов своих портит,
Дав повод смотреть свысока.
Безделица и заморочка,
И вроде б никчемный предмет.
Но в горе припомнится строчка —
И вытаскист сердце на свет!..*

И к этому уже ничего не добавить, ни прибавить... Кроме того, что в конце 2015 года в Туле вышло второе издание «Русского креста» Валерия Савостьянова.

Сергей Лебедев
(г. Тольятти, Самарская область)

ПУТЬ К ПРОСВЕЩЕНИЮ И ИДЕАЛУ

Рецензия на роман Я. Н. Шафрана «Круг замкнулся»

На протяжении всей истории развития человечество ищет светлую и широкую дорогу к счастью. Сквозь взлеты и падения, ошибки, кровопролития, нищету и пресыщенность, оно, с упорством отвергая одно и принимая другое, строит на земле по своим меркам общество идеального существования. Не обошли эти чаяния, мечты и реальные дела героев романа Якова Шафрана «Круг замкнулся». Романа многопланового, насыщенного не только историческими фактами, но и вполне житейскими делами, интересного глубоким знанием «дел минувших», канонов Православной религии, простыми истинами нашей обыденной жизни.

I

На первый взгляд фабула романа проста — это история жизни нашего современника Андрея Курилова, предпринимателя, живущего в среднерусском городе Петрусовске. Но вместе с тем, мы, читая главу за главой, узнаем и понимаем не только историю человека и бизнесмена среднего класса Курилова, но и условия возникновения частной деятельности в нашей стране, создавшиеся в середине восьмидесятых годов прошлого столетия для реализации способностей людей в развитии своего собственного дела.

Перед нами проходят картины первого десятилетия двадцать первого века, а вместе с ними и почти всех событий России, происходивших в прошлом веке, которые предопределили в известной степени все то, что произошло и с героем романа Якова Шафрана, и со всеми нами, живущими в современной России.

Хочется заметить, что автор дал своему роману очень верное название «Круг замкнулся». Поистине, все в нашей жизни возвращается «на круги своя», так случилось и в книге автора, в которой повествуется не о какой-нибудь необыкновенной жизни, счастливой и прекрасной, и не о героических делах замечательного человека. Нет, совершенно напротив, мы читаем о жизни нашего современника, похожей чем-то на жизнь каждого из нас. У рожденного в середине шестидесятых годов прошлого столетия, героя романа Андрей Курилова, было хорошее советское детство. Он рос, воспитываясь на примерах героев замечательных книг, героев тогдашнего времени, развиваясь в постоянных подвижных играх, получая навыки житейских дел от любимых учителей. И от тех лет у Курилова остались самые светлые воспоминания, лишённые злости и упрёка, хотя он рано познал все прелести «безотцовщины». У Андрея и о солдатской службе сохранилась добрая память, не пронизанная «садизмом дедовщины».

Неблагодарное это занятие — пересказывать роман, тем более что, читая его, узнаешь не только о повседневной жизни главного героя. Ведь наряду с условиями бы-

та открываются читателю современные философские рассуждения об истине жизни, которые просты, потому что написаны без вычурности, но лишены при этом всякой обыденности. Потому они и доходчивы для читателя. И вместе с героем мы, читатели, вновь окунаемся в обстановку недавних памятных исторических событий — от развала Советского Союза до наших нынешних дней. Проходят перед нами лихие девяностые годы с пустыми заверениями власти, когда в стране все было брошено на самотек, когда политикой экономики стала формула «товар на товар», а деньги превратились в фантики.

Постепенно переходя к событиям нынешних лет России, Яков Шафран откровенно и честно говорит о сегодняшних «глобальных» проблемах страны. О таком важном условии ее дальнейшего развития и процветания, как преобразование нынешнего школьного и высшего образования. Приводит примеры советского обучения молодого поколения, где тоже были свои проблемы, но в те годы, даже с некоторыми издержками, система советского образования работала.

Читая главы романа, где автор говорит о любви, мне подумалось, что рассуждения его не совсем современны, они соответствуют идеалу — взаимопонимание, уважение, терпимость. Но в то же время мелькнула мысль — а что же такое — современное понимание любви? Ведь то, о чем пишет Яков Шафран — всегда современно, потому что это вечные понятия и не могут они подвергаться ревизии времени, человек всегда должен оставаться человеком, в какой бы эпохе он не жил!

Автор придает большое значение состоянию духовного мира своего героя, его умению разобраться в душевных волнениях, во внутреннем трепете от созерцания родной природы, от чтения хороших стихов. Интересны рассуждения писателя о родине, когда он устами героя говорит об этом с друзьями. Яков Шафран и подтверждает, и открывает нам истины человеческого бытия: «Говорят, что в старости — родина там, где тебе тепло, где тишина и покой. Но Андрей с этим никогда не согласится, для него родина — это, прежде всего, корни, память, друзья».

Я думаю, что читателю будут понятны и нынешние проблемы нашего общества, которые возникнут перед Андреем Куриловым, когда герою придется преодолевать возникшие перед ним рогатки и барьеры в борьбе с чиновниками. Неистребимое мздоимство, хитро расставленное на пути Курилова «крышевание» подставных фирм — черные метки нашего времени. Пожалуй, тема коррумпирования российского общества является ключевой в завершающей части романа Якова Шафрана. Чувство несправедливости так охватывает Курилова, что у него в отчаянии возникают сомнения в правильности задуманного им дела. Бизнес начинает спотыкаться о всевозможные хитросплетения коррупции, «которая все шире и шире открывает рот». «Невозможно честно заниматься бизнесом среди этих «лис» и «волков», — вырывается в разговоре с ним у одного из сотрудников фирмы. И возникает неизбежная необходимость нарушения закона или, по-другому, — «все так делают».

Чувствуя свою безнаказанность, коррупция растлевет российское общество, порождает махровую и наглую вседозволенность. Поэтому и звучат отчаянные сомнения в романе — народ разуверился в возможности изменения чего-либо в борьбе с ней. Многое пришлось испытать Андрею Курилову при организации своего бизнеса — это и судебные тяжбы, и предательство компаньонов. Но в конечном итоге судебное дело выиграно. Но какой ценой?! Ведь снова пришлось «отстегивать» главе городского управления Росспецнадзорздрава, который лишь одним звонком приостановил судебное разбирательство в отношении фирмы и самого Курилова.

Воистину вспоминаются две истории, уходящие своими корнями в далекое прошлое. Первая про одного персидского царя, который, казнив смертью судью, уличенного во взятках, приказал содрать с него кожу и покрыть ею судейское кресло.

Подействовало. И вторая — уже относящаяся к Руси. Креститель славян князь Владимир был в истории Руси первым, кто своим указом отменил смертную казнь. После этого преступность в городах и весях так разгулялась, что возникла угроза существованию государства. Высшую меру срочно восстановили.

Может, уже пора последовать примеру древних и в нынешней России... Пришлось даже немного отдалиться от темы моего рассказа о романе, увлекшись важностью поднятого Яковом Шафраном вопроса.

Был в жизни героя Якова Шафрана и опыт освоения заграничного бизнеса. Достоверно рассказано автором о «прелестях американской жизни», когда Курилов с семьей ищет лучшей доли за океаном. С досадой рассуждает он, прожив около года в США, о низкой духовности американцев, об отсутствии откровенности в отношениях между людьми, о том, что на первом месте у людей капиталистического общества — деньги.

Всмотревшись в черты, которые автор приписывает своему герою, я подумал, что Курилов — воплощение его мечты о том, каким должен быть нынешний предприниматель в России — «со светлым состоянием души»... Яков Шафран рисует нам идеальный образ предпринимателя, а может быть, это действительно человек будущего? А почему бы и нет? Ведь к идеалу всегда надо стремиться...

II

Повествуя о жизни предпринимателя Курилова, о современных проблемах нашего общества, Яков Шафран ненавязчиво, с интересом погружает своего читателя в события, которые происходили в России столетие назад. Ведь идейно-художественный замысел романа «Круг замкнулся» открывается нам с единичного, произошедшего с героем события, в котором, как в капле воды отразились почти все основные тенденции развития современного общества России. Вот поэтому автор и раскрывает перед нами связи настоящего времени с прошлым, где и зарождаются ответы на вопрос: «Каким должно быть будущее России?», и читателю становится понятным, что главная болезнь нынешней России — потеря вечных истин и идеалов, отсутствие высших целей жизни, исчезновение «героев» среди нас. «Великого нет ничего» — вспоминаются слова Ф.М. Достоевского.

Автор, повествуя о времени сегодняшнем, приглашает читателя взглянуть в прошлое страны и погружает нас в атмосферу событий и настроений последнего десятилетия перед Октябрьской революцией. Перед нами предстает расхристанное время «разброда и шатания», точно такое же, какое было в недалекие девяностые годы развала Советского Союза. То же интеллигентское созерцание и словоблудие о равенстве и свободе. Появление новых героев в романе весьма важно для понимания целостности произведения, тем более что все они, как оказывается, «переплетаются» биографически. Яков Шафран сразу же проводит разграничительную линию между западником кадетом Заячницким и славянофилом Соловьевым, выделяя отдельно образ патриота Земскова. Мы видим, что все они, в конечном итоге, люди неравнодушные к судьбе России. Каждый по-своему видит путь, по которому страна должна пойти в своем дальнейшем развитии. Хотя западник Заячницкий убежден, «что все у нас в России сикось-накось», а славянофил Соловьев, наоборот убежден, что «в стране происходит рост мощи, и что совершенно невыгодно для мировых западных держав». Будущее государства он видит в укреплении власти, Заячницкий же ратует за развитие реформ, установление полной свободы.

Писатель вводит нас в мир событий 1917 года, которые явились определяющими в судьбе России на том историческом этапе. Настроение и сопутствующие ему разго-

воры героев романа с подлинностью передают обстановку революционной напряженности, приведшую к коренному повороту развития государства Российского. И мы видим, что даже продолжавшаяся мировая война, которая поставила на кон независимость России, не объединяет в единой борьбе людей всех сословий и политических убеждений. «Буржуазия вся в оппозиции, интеллигенция хочет устроить все на западный манер... Все партии требуют свобод и уже сегодня!» В России начинается кризис, который «целенаправленно создают», — как выразился славянофил Соловьев, видя в этом «разрушение извне и изнутри» страны. Как это похоже на раздраз, который творился в недалеком прошлом нашей страны — в девяностых годах!

На фоне происходящего в России, постоянных разговоров интеллигенции, читателю будет интересно узнать и том, что же думал рабочий класс, для которого и создавалось «светлое будущее», и доволен ли он был тем, что затеяли большевики? Оказывается, рабочие не совсем согласны с новыми преобразованиями большевиков, высказывают большие сомнения на этот счет. Для них кажется, что все едино: управлял царь, помещики и капиталисты, «а теперича большевики заместо их. Уж больно похоже на то, как один гад съедает другую гадину. Не ты же править будешь и не я?» Это настроение подхватывает западник Заячницкий, и то по прошествии многих лет, в начале тридцатых. «В России все недовольны существующим положением: крестьяне окончательно потеряли землю и волю во время кровавой коллективизации и теперь закабалены этими колхозами; рабочие не только не стали коллективными владельцами заводов и фабрик, как им было обещано, но превратились в полузаклученных...»

Но вот мы открываем новую главу романа и читаем о том, как настроение изменилось в стране всего двадцать лет спустя после революции. За этот короткий исторический срок большевики сумели поднять аграрную Россию до индустриальной державы. Из разговора рабочих, отдыхающих в Ялте: — «А помнишь, Гриша, разговор наш в семнадцатом? Правы мы были, что наш народ общественный. А товарищ Сталин и до того знал это и гениально предвидел, каким путем нам идти. И когда пришлось на деле в короткие сроки строить социальное равенство и справедливость, то народ и не нужно было учить коллективизму. Крестьянин-общинник был таким из рода в род. Такими же были и есть рабочие, вышедшие в основном из крестьян, у которых и за три поколения во времена капитализма не удалось до конца истребить дух общинности».

Писатель Яков Шафран последовательно рисует нам непростой путь, пройденный русской интеллигенцией — эмиграция, скитания по неприятным кварталам городов зарубежья, постоянное обвинение виновных в своих лишениях. В одном из городов Европы славянофил Соловьев бросает упрек западнику Заячницкому — «вы и есть поджигатели, породившие еще больших поджигателей — эсеров, которые совершили две революции и подготовили третью, чем благополучно воспользовались большевики!»

Пожалуй, один патриот Земсков в этой компании реально и взвешенно смотрит на происходящие исторические события, рассуждая: «Что пенять на то, что случилось и искать виноватых? Придет время и история всех и все расставит по местам. Когда организм охвачен смертельной болезнью, не тратят время на поиски причин и виноватых, а применяют все средства, чтобы победить болезнь». А заразу, которая явилась причиной болезни России, он видит так же, как и Соловьев, в тех западниках, «кто разжигал это бесовство на протяжении более чем полувека». И тут же подчеркивает сказанное своим безапелляционным выводом: — «И большевики — я это ясно понял, господа, — именно те «санитарные врачи», которые его, этот самый карантин, осуществляют».

Земсков и возвращается на родину в середине тридцатых годов, закончив в Па-

риже работу над книгой о падении Византии, остро почувствовав в себе не остывающую приверженность к России. И уже в советской стране продолжает дело всей жизни — пишет в «толстую тетрадь в темно-синей коленкоровой обложке» собственные мысли о корнях России, ее истории и судьбе. А главное — о том, как обустроить и изменить великую и могучую державу, имя которой — Россия.

Именно эта тетрадь профессора Земскова и явилась той завершающей точкой, замкнувшей круг. Встречаются потомки — Курилов и Земсков.

Иннокентий Земсков, получив тетрадь от деда в наследство, прочитав ее, на протяжении многих лет выносит мечту опубликовать обширный и значительный труд деда. Опубликовать для грядущих потомков «синюю тетрадь, которая пронизана духом сотворения премудрого, софийного (правильного) жития-бытия». Это желание и послужило причиной встречи Курилова и Земскова. Встреча, «когда два дальних родственника, никогда ранее не видевшихся, вдруг пересеклись на жизненных путях-дорогах». Но опубликование рукописи Земскова не состоялось.

Почему? — Спросит читатель вместе с Иннокентием Земсковым. И писатель отвечает на этот вопрос словами своего героя Андрея Курилова: — «Пусть все идет своим чередом по воле Свыше!»

Ведь людям, если они люди, всегда надо оставаться на земле человеками — только истинный человек трудится на благо страны, любит беззаветно свою Родину, преданно исполняет заветы предков. А насаждать новое силой, извне — не получится. Тем более что известные опыты подтверждаются свершившимися последствиями.

И нам, читателям становится ясно и понятно, какой путь к просвещению и идеалу предлагает в романе писатель Яков Шафран — «выбор пути всего человечества связан с духовным благоустройством, с укреплением света и любви у каждой личности. В этом — личное спасение каждого из нас».

Французская писательница Жорж Санд писала: «В книге должен выразиться человек, ее автор. Иначе это пустая книга». Книга «Круг замкнулся» — лучшая из книг Якова Шафрана, в ней отразился ее автор, любящий людей, мудро понимающий истинное назначение человека, пришедшего на землю. Писатель Яков Шафран, верящий в «цели вековечные», которые послужат преобразованию России, своим оптимизмом заставляет в это поверить и нас, его читателей.

Любовь Рыжкова
(г. Рязань)

РАСПРОСТЕРТЫЕ КРЫЛЬЯ РОССИИ

Гражданский характер лирики
Алексея Селичкина
О двух ветвях русской поэзии

Поэт, прозаик, филолог, член Союза писателей России, лауреат междунар. и всерос. науч. и лит. конкурсов, кандидат педагогич. наук, проф. Российской академии естествознания, автор 500 публикаций, из них 30 — книги, среди кот.: поэтич. сборники («Сотайник», «Зарифмованный дворец», «Августейшая ночь», «Зерно Творца», «Мировая Душа», «Начало света»); кн. прозы («Хомо скрибенс», «Золотая пыльца»); кн. для детей и юнош. («Волшебный букварь», «Веселое лукошко», «Колокольчиковый колодец»); монографии и др. науч. труды по рус. яз. («Развитие речи: система работы», словарь «Художественные средства»); литературоведч. иссл. о поэзии Серебряного века, поэтах XX в.— Н. И. Тряпкине, Н. А. Заболоцком, С. Н. Маркове, Н. М. Рубцове («Огненный витязь», «Свеча земли», «В истоках славянской реки»); историч., публицистич. работы («Духовные воители Руси», «Русь легендарная», «Баташевские звезды», «Промежуточное звено», трилогия «Русская Душа», «Адский уголек», «Свет с Востока», «История русской азбуки»); пер. (со швед. и болг.р.); книги для слепых шрифтом Л. Брайля и др.

Рассматривая поэзию начала XXI века, еще непонятную, находящуюся в исканиях, пытающуюся отразить свое время и при этом далекую от бурных литературных течений, направлений и поисков века минувшего, где было изобилие подходов, стилей, методов, мы пришли к выводу, что все эти течения и направления так или иначе сводятся к двум основным ветвям русской литературы — *консервативно-охранительной* или, говоря словами Ф. М. Достоевского, *почвеннической* и иной, *противоположной* ей — *либерально-раскачивающей* все еще могучую лбдю Великой Русской Литературы. Художественные искания, безусловно, дело хорошее и нужное, но нам милее и отраднее традиция, обычай, призванные сберечь то, что искони было завещано нам предками и столпами поэтического слова.

По этой причине в центре нашего внимания — творчество поэтов-почвенников, которых, к счастью, очень много в современной литературе, но которые по многим причинам остаются в тени. Либеральная критика их не жалуется, журналы обходят их вниманием, а издательства ныне, как известно, либо процветают, находясь во власти золотого тельца, либо выживают каким-то чудом, служа высокому. Но именно эти поэты радуют за судьбу Отечества не показательно-декларативно, а всем своим русским сердцем. О них речь в книге «Русские поэты-почвенники XX — начала XXI вв.». Среди эти поэтов — Вячеслав Богданов, Алексей Еранцев, Владимир Курбатов, Владимир Носков, Евгений Рудаков-Рудак, Алексей Селичкин, Сергей Семянников, Валентин Сорокин, Геннадий Суздальев, Валентин Чистяков, Владимир Чурилин, а так-

же Ольга Балакина, Салисэ Гараева, Лидия Дедова, Надежда Емельянова, Юрий Зыков, Вера Киселева, Ирина Кияшко, Геннадий Комаров, Татьяна Кузнецова, Валентин Легкобит, Наталья Рябинина, Валерий Савельев, Виталий Савченков, Валентина Сляднева, Виктор Смагин, Станислав Слепенков, Светлана Соложенкина и др. Сегодня наше повествование о калужском поэте Алексее Селичкине.

«Мы не имеем права жить незряче...»

Поэт обостренно гражданского чувства

Алексей Селичкин, безусловно, поэт «почвенного» направления, и не потому, что в его лирике встречаются традиционные приметы «деревенской» России («Здесь прежде...», «Подгнивший угол», «Завалинка», «На родине», «Я за спиной оставлю автостраду...» и др.), а в самом отношении к миру, людям, природе, судьбе страны, ведь он здесь не гость, не иностранец, он здесь — исконный житель, хозяин, автохтон. Дело — в позиции поэта, и можно с определенностью сказать, что А. П. Селичкин — поэт обостренного гражданского чувства. Все это четко обозначено в его книге «Век и судьба», вышедшей в Калуге в 2015 году.

Он смотрит на происходящие события не отстраненно, а словно изнутри, он пытается понять, что происходит со страной, все ли в ней ладно, куда она движется и какая беда случилась с ней в мирные, казалось бы, дни, ведь Россия сегодня претерпевает серьезные изменения. Он не приемлет так называемые демократические перемены, начавшиеся в 1991 году после распада Советского Союза и продолжающиеся ныне. И не потому, что он жаждет возвращения советского строя, а потому, что видит тотальное наступление на русскую историю и культуру, попрание и унижение отечественных ценностей, угасание русской деревни, обескровливание русского народа. Это не голословные утверждения, в его поэтическом пространстве появляются характерные образы: «большое поле, некошеное ни разу», «мир, горький от осота», «разворованная страна», а самое страшное — бедность одних и «многосумье» других.

Причину этой беды он видит отчетливо, это «революций кровавое средство», от которого никак не может отойти и опомниться великая Россия («Не считал я потерянных дней...»). И те давние события отзываются в нынешних днях, что «в либеральной оправе» — распадом советской страны после Беловежских соглашений, грабежом под видом приватизации и новой разрухой под видом закрытия предприятий, и появлением «пятой колонны», которая, собственно, никогда и не исчезала, но ныне лишь ярко себя обозначила. Это о них, этих людях говорит поэт: «Они не в силах ни одной минуты / задуматься — чья их вскормила мать» [3, с. 20]. Об этой «пятой колонне» однозначно сказал и Президент России Владимир Путин в своем послании Федеральному Собранию, комментируя санкции, введенные странами Запада против нашей страны: «Западные политики страшат нас не только санкциями, но и обострением внутренних проблем. Хотелось бы знать, что они имеют в виду: действия некой пятой колонны разного рода национал-предателей или рассчитывают ухудшить социально-экономическое положение в России и тем самым спровоцировать недовольство людей?» [1].

Говоря о подобной категории людей, *мотив вранья и воровства* становится у поэта лейтмотивным: «воровать, воровать, / умножать многосумье» [3, с. 16]; «война... борьба... ворье и воронье...» [3, с. 21]; «вранья, ворья крутой мастак» [3, с. 45]; «Что будто нет ничьей вины / и вор никем не узнаваем» [3, с. 80]. Та же тема отражена в стихотворениях «Выборы», «Не дай-то Бог...» и др.

Давно и общепризнано: поэт — всегда оппозиционер, так было всегда, во все времена (хотя в данном случае позиция поэта совпадает с государственной точкой зрения и президентским мнением). Объясняется это не только неравнодушием, обо-

стренностью чувствования и болью за судьбу Отечества, но и тем особым видением, что присуще поэтам — это духовное видение, зоркость души. У Алексея Селичкина эта зоркость есть, его гражданская позиция вполне определена: «Мы не имеем права жить незряче...» Потому он мучительно переживает происходящее: «Предвыборной оскомы блуд / переполняет жизни чашу, / что пьет измученный народ / который год...» [3, с. 22].

Гражданская лирика А. П. Селичкина приобретает порою острую публицистичность, ведь он пишет «об исторической правде» и «истерической лжи», «системе распродаж и развлекалок», с некоторых пор воцарившихся в родной стране. Эта тема так или иначе находит воплощение в стихотворениях «Я помню...», «Все дышит западною злобой...», «Век безоглядный...» и др. Его одолевают сомнения, «кто там левый, кто здесь правый...», ясно одно — «ржа разъела сердце», а родная Отчизна «подарила суму» — благодарность за годы, полные труда... Но Отчизна ли это «подарила» или те, кто у руля и в «пятой колонне»?

Новая реальность с рыночными отношениями, распространившимися и на мораль человека, не устраивает поэта, ему с ней неудобно, тяжело, он оскорблен за попираемые традиции и нравы, поруганные святыни. При этом — «Куда ни взгляни — / все холеные лица / попадают в эфир, / не в тюрьму» [3, с. 59]. Как ни обидно, в России всегда были и другие люди — те, которые «ушли из юдоли земной, не засеявши поле». При этом в России всегда были и есть те, для которых судьба Родины дороже всех благ мира.

Есть ли надежда, что мир изменится к лучшему? Поэт поначалу осторожно высказывает эту надежду: «Крепитесь — смена декораций / придет в свой час...» [3, с. 45].

«В толкотне мирских дорог...»

Тема города и деревни

Будучи исконно сельским жителем, но «в толкотне мирских дорог» давно связавший свою жизнь с городом, поэт Алексей Селичкин вобрал в себя «двоеверие» — он и с городом и деревней одновременно, а может быть, и одновременно. Оказывается, так тоже бывает. Есть поэты, которые не могли примирить в себе город и деревню (С. А. Есенин); есть поэты, которые предпочли городскую эстетику (В. Я. Брюсов, А. Белый); есть поэты, которые могут органично воспринимать жизнь города и деревни (Г. М. Суздальев); а есть поэты, которые просто существуют в двух стихиях сразу, вернее, сосуществуют в них в одно и то же время — таков А. П. Селичкин.

Он, почти всю жизнь проживший в городе (долгие годы работая атомщиком в Челябинске, сейчас живет в Калуге), при этом словно никогда и не покидал родной Жиздры. Но при этом жизнь села он видит глазами зоркого хозяина, от которого не укроется ни одна деталь или мелочь. Картины заброшенных русских сел, исчезающих с лица земли многочисленных деревень болью отзываются в его сердце: «Бурьян буянит у окна...» Да и сам сельский пейзаж и мир русской деревни полон далеко не мажорных эпитетов: «заросшая дорога», «некошеное поле», «стылый снег», «тусклые половицы». Однако никаких отрицательных слов в адрес города в его стихах нет и не может быть, такова его поэтическая судьба — соединять в своей лирике два одинаково важных начала.

Природные «уголья» Алексея Селичкина

Картины природы

Его одушевленная природа часто взывает человека к совести: «шумят о земном деревья» [3, с. 4], «бурьяну — год какой дорога снится...», «мир, горький от осота», «здесь не нашла уюта тля...» [3, с. 5] и т. д. Но его природа может и просто радовать глаз:

*И поутру, и ввечеру
на ветках яблоней в саду
царит Преображение [3, с. 29].*

Но чаще природа А. П. Селичкина психологична и отражает сложные душевные состояния его лирического героя, как, например, в стихотворении «Межсезонье», которое, на наш взгляд, оригинально и замечательно как по форме (использованы терцеты), так и по содержанию, ведь здесь нашлось место не только «слякотности ноябрьской», но и готовности к новой жизни. Рассмотрим его более подробно, вот первая строфа: «Сырая и промозглая пора. / С чего-то все не ладится с утра. / Порвала рот зевота» [3, с. 28]. Далее настроение героя не меняется, его удрученность как будто лишь усиливается: «И сырость поселилась в шалаше, / И слякотность ноябрьская в душе: / проснешься — спать охота...» [Там же]. Казалось бы, этому угнетенному настроению нет и не будет конца, и впереди долгие дни этой «промозглости», однако герой (как хороший сельский хозяин) лишь внимательно оглядывает все вокруг и подводит итоги:

*Очерчен жизни смысл — придет зима,
проверит — утеплит ли закрома,
снега пошлет в угожья [Там же].*

Согласимся, перед нами вырисовывается облик тороватого хозяина, у которого налажен быт, все крепко и надежно, не случайно прозвучало здесь слово «закрома», и есть полная уверенность в том, что межсезонье это закончится, и не просто закончится, а сменится морозно-ядреной русской зимой, которую встретить не страшно — и потому, что закрома полны, и потому, что... весна не за горами. Последняя строфа стихотворения поражает своим оптимистичным содержанием:

*А там под стылým снегом, мать честна,
уже вовсю готовится весна
грызет и рвет поводья [Там же].*

На наш взгляд, это одно из лучших стихотворений в сборнике Алексея Селичкина. Более того, в нем ярко отразилась национальная черта характера — природный, генетический оптимизм и присущее русскому человеку жизнелюбие. Обратим внимание, что даже в это слякотное, стылое и неуютное межсезонье лирический герой, лишь на время отдавшись грустным размышлениям, думает о весне, жизни и предстоящих радостях.

Тем же настроением отмечено и стихотворение «Февральский снег», где февральский снег поэту неожиданно напоминает весну, что отразилось даже в его бодром и каком-то стремительно-освежающем ритме. И хотя в «угожьях» Алексея Селичкина еще царит зима, но она не вечна и не безнадежна:

*Февральский снег.
Сугробы здесь и там.
Февральский свет.
Молчат, уснув, угожья.*

*Февральский снег...
Полиага до весны
и поводья [3, с. 35].*

Обращает на себя внимание *композиция сборника*, первая часть называется «Забытые края», вторая — «Зловещее эхо Чернобыля», третья — «Хорошо бы позабыться...», названия первой и третьей частей явно перекликаются, думал ли об этом автор или это получилось спонтанно и как будто неосознанно? Если в начале книги перед читателем встают образы малой родины (в Калужской области), ныне переживающей далеко не лучшие времена, и потому название «Забытые края» понятно, обоснованно и объяснимо. Но чем руководствовался поэт, высказывая желание в последней части «позабыться»? Для того чтобы это понять, следует окунуться в стихию авторской поэтической речи.

Стихотворение «Чужие небеса» несколько приоткрывает суть: дело в том, что на родине поэта наступили странные времена, когда на каждом шагу звучат «чужие голоса и рядом, и вокруг». И это в родном краю, на земле, «что послал родителям Господь». Более того, ему «навязчиво твердят» о том, что он «не толерантен», видимо, на том лишь основании, что поэту милее всего родные голоса и родное небо. И свойственно желание видеть свою землю процветающей и сохранившей свою национальную самобытность.

В другом стихотворении «Не про меня...» он просит прощения у поколения отцов и матерей:

*Простите нас, что мы не извлекли
уроков из навязанных пороков... [3, с. 112].*

Какие это пороки, становится ясно из стихотворения «На родине». Сюжетная канва проста: лирический герой возвращается на свою малую родину, и что он видит?

*Здесь то же небо, воздух и вода.
И ровный свет на тусклых половицах.
И прежний Бог, лампадка и божница.
Как много лет не ездил я сюда!?*

*Поклон тебе, крестьянский мой исток!
Бревенчатые рубленые стены.
Вы сдюжили крутые перемены,
безвременье обило ваш порог [3, с. 116].*

Горькие чувства рождают и горькие строки:

*Истерзанная родина моя!
Забытая, протившая обитель.
Тебя не славят в бронзе и граните
сгоревшие от водки сыновья [Там же].*

Значит, *не забытья* желает лирический герой, а *передышки*, хотя бы короткого отдыха — и самому себе, и своей Родине, и своему народу. И словно подтверждение этому мы находим в стихотворении: «Хорошо бы позабыться, / *отдохнуть* в тенистой роще, / и напиться из ручья...» [3, с. 87]. И еще он мечтает о жизни «без ухабов, без трагических разломов», где бы его окружали лишь близкие люди, друзья и родные, а не чужие голоса.

Но куда вокруг «бездорожье», он «не вправе все забыть». Таким образом, это лишь в очередной раз высказанная гражданская позиция поэта, обозначенная им бук-

важно с первых строк сборника и в разных формах находящая свое художественное воплощение.

«Беспощадное знамение» Чернобыля

Поэзия атомщика

Большой раздел книги «Век и судьба» имеет подзаголовок «Зловещее эхо Чернобыля», где собраны остро публицистические стихи, и здесь не только стихотворения на тему Чернобыля, это скорее лирика инженера-атомщика, хорошо знающего, что такое «оружейный плутоний». А. П. Селичкин не был в Чернобыле, но зато он много лет проработал ведущим инженером на объектах Министерства атомной энергетики и Министерства обороны, как он сам говорит, «расщеплял атом» и «обогащал своей стране плутоний», в силу чего эта сторона жизни ему не просто хорошо знакома, он был в этом «пекле» и знает о ней не понаслышке. И потому чернобыльскую трагедию и трагедию с подводной лодкой «Курск», и катастрофу Фукусимы он воспринял как «черную боль» и «беспощадное знамение». Его позиция заявлена сразу в стихотворении «Это я...»:

*Это я над четвертым Чернобыльским блоком
легкой дымкой истаяв, взлетел.
Это я обожжен откровением Блока
в этой жизни немного успел [3, с. 48].*

При этом профессиональный подход позволяет ему взглянуть на атом с разных сторон — он может быть военным и мирным, опасным и полезным, он может убивать, но может и спасать страну, будучи ее защитным щитом от новой военной угрозы. В стихотворении «Зонтики ядерные» поэт, имея в виду натовскую военщину, говорит: «И только ядерные / зонтики России сегодня / сдерживают их» [3, с. 49].

Поэт воспринимает эти беды (с Чернобылем и Фукусимой) как отмирание самой природы или «планеты обезумевшей» за бездумно жестокое отношение к ней; для него «пустыня радиации» осмысленно подробно и наполнена не абстрактным ужасом, а вполне конкретной действительностью:

*И я горбатил много лет подряд,
хранил секреты каждой новой тонны,
не кланчил званий, грамот и наград,
обогащал своей стране плутоний [3, с. 56].*

Это строки из одного из самых пронзительных стихотворений этого цикла «Где вы теперь?»:

*Живу. Дышу. Слагаю письма.
И вас усмешкой легкой вспоминаю.
Другую стала жизнь, другой — страна.
Я — стихотворный ряд обогащаю [3, с. 56].*

Не менее драматичны стихотворения «Ночь апрельская канула в Припяти...», «Знак беды», ведь «черной болью Чернобыля / скулы светло» [3, с. 60].

«Жизнь — как речка детства...»

Вечные вопросы

Вечные вопросы жизни и смерти, ее сути, окончания пути встают перед любым поэтом, рано или поздно, поскольку мыслящая душа не может довольствоваться

только материально-земными благами. «Увы, земной удел не вечен...», — сокрушается поэт. В минуты же нездоровья (своего или близких) они встают перед человеком в полный рост: «А дальше что?» [3, с. 43]. Тот же вопрос задают себе миллионы людей; он мучил и шекспировского Гамлета, его последние слова, по сути, представляют собой безальтернативный ответ на него: «Дальше — тишина...» Алексей Селичкин печально итожит: «А что еще? — врачи не виноваты. / Над холмиком земли всего две даты» [3, с. 43].

Душа поэта многолика, многогранна, она и вместилище пережитого, и «терзаемая презрением», и «выполняющая вселенскую работу», и говорящая «восторженно с Творцом», она глубокая и наполненная жизнью, ведь он понимает, что «жизнь не терпит тленья», что радость бытия все равно возьмет свое. Однако мудрость лет заставляет пристальнее всмотреться в пережитое и в самого себя, расставить нужные акценты, и потому он ищет понимания, сочувствия, сопереживания («Где ты, брат? Тебя мне не хватает, / а меня, наверное, тебе...»). Иногда ему становится грустно и одиноко («У какого костра обогреться?»). И вся жизнь перед ним открыта, она «как речка детства — вся видна...» [3, с. 43]. Он так и живет на свете — открыто и щедро, как и подобает русскому человеку.

«Ищу глаголы утешения...»

Вопросы творчества

Встают перед поэтом и творческие вопросы, и его стихотворчество — это результат «созревшей души», которая «хочет говорить» и говорит — откровенно, горячо, иногда полемично. Поэтические реминисценции и параллели вызывают образы Ивана Бунина («Окаянные дни»), Гарсиа Лорки («У лунного водопоя»), Афанасия Фета («Звезда»), Бориса Пастернака («Пора бы, брат...»), Сильвы Капутикян («Душа бессмертием богата...»), «И в своей земле...», «Ночь легла на порог...»).

Есть у Алексея Селичкина стихи, посвященные своим друзьям по литературному «цеху» или навеянные их строками, среди них — В. В. Сорокин («Когда раздумья душу беспокоят...»), А. Бывшев («Мы еще посмотрим...»), Е. В. Рудаков-Рудак («Век и судьба», «Увы, земной удел не вечен...»), В. Н. Суховский («К юбилею В. Суховского»), а также однокурсник А. П. Селичкина по литературному институту В. И. Чурилин, что «очень рано устал». Но и эти стихотворения несут в себе не только элементы элегической грусти, но и гражданский смысл и отражают позицию поэта — такова его органика, и с этим ничего нельзя поделать. Не зря же писал Сергей Есенин о том, как важно каждому поэту иметь индивидуальный голос, «петь по-своему, даже как лягушка» [2, с. 288]. Своим голосом «поет» и Алексей Селичкин, оттого его стихи почти всегда имеют социальную направленность. Он и сам это понимает и поэтому признается: «А то, что наша жизнь не хлебосольна, / мы не меняем Родины своей» [3, с. 101].

Что касается его взгляда на собственную литературную деятельность, то и на нее он смотрит как на долг перед отчизной, возможно, точно такой же, какой он исполнял, работая атомщиком. Об этом говорят его строки из стихотворения «Знак беды»: «Поэзией судьба облучена / и жестким гамма-излучением. / Гудит в крови реакторное эхо — / Я был рабочим атомного цеха» [3, с. 61]. Таким образом, он действительно сегодня «обогащает» стихотворный ряд современной русской поэзии.

Всевидящее око Века,

или Метаморфозы бытия Алексея Селичкина

О времени и звездной судьбе России

Сборник Алексея Селичкина «Век и судьба» можно было назвать несколько иначе, вернее, конкретизировать — *безоглядный век и окаянная судьба*, сразу обозначив эпитетами свое отношение к веку, своему времени, которое выпало на его долю. Но

еще вернее это отразило бы отношение самого века к человеку на этой Земле, согласно известной формуле: если долго вглядываться в бездну, то... Но в нашем варианте эта формула звучит так: *если долго всматриваться в Век, то Век начинает всматриваться в вас*. Собственно, это и происходит ныне на нашей Земле — Век, как всевидящее око, неотступно следит за человеком (уже в самом прямом смысле), за тем, что с ним происходит, за его передвижениями, делами, поступками, речами, связями с другими людьми. И даже за движениями его души... Таков он, этот Век — катастроф и размена, окаянства и бед, в котором «встали вороги на пьедестал» [3, с. 94].

Обратим внимание на названия стихотворений сборника: «Задворки», «Здесь прежде...», «Забывшие края», «Погибшему городу», «Век безоглядный», «Катастрофа», «Время размена», «Окайные дни» и т. д.

В этом смысле следует обратить внимание на эпитеты, которыми наделяет поэт само время и временные отрезки.

Время — *невозвратное, вероломное, «время размена»*. Года — *почтенные*. День — *вчерашний, истлевший, пропавший, минувший, плутавший, потерянный*; а если этот день сегодняшней, настоящий, то он обязательно *бедовый, бесовский, окайный* (аллюзия к И. А. Бунину), *лукавый, шальной, безоглядный, пьяный* и даже *«в либеральной оправе»*.

И хотя «менялись эпохи и судьбы», но в его временной системе координат век чаще всего бывал *стылым*, это, пожалуй, самая яркая и самая часто встречающаяся характеристика XXI века по Алексею Селичкину. Этот эпитет по отношению к веку встречаем мы в стихотворениях: «Казенный дом. Палата в два окна...», «Не считал я потерянных дней...» и др.

Иногда характеристика времени столь резка и беспощадно правдива, что невольно становится страшно за судьбу русской деревни и страны, кажется, поэт и сам временами испытывает не только боль, но и растерянность и даже отчаяние, как например, в этих строках:

*Ни села, ни высокой околицы.
Потравили невзгоды народ.
Где вы, молодцы, добрые молодцы,
светло-русый, надежный оплот?! [3, с. 94].*

В стихотворении «Я за спиной оставляю автостраду...» эта мысль выражена еще более ярко:

*Кругом трава. Кругом кусты, деревья.
И горько мне, что в этой стороне
страной и мной забытая деревня
сгорела в перестроечном огне [3, с. 103].*

И перед читателем встает вечно волнующий и насущный вопрос: что же делать, как быть и как выходить из этого страшного положения? Но поэт как будто только добавляет этой горечи:

*Россия! Горечь дней бедовых
все оцутимей, все острей...
Не дай-то Бог кровавых, новых
бесовских дней стране моей... [3, с. 22].*

Конечно, подобные строки диктует поэту его беспокойное, совестливое гражданское чувство, мы это хорошо понимаем, но вместе с тем это не дает читателю ни успокоения, ни отрады и не указывает ему какой-либо вектор движения. Безусловно, поэт — не учитель, он не призван давать ответы на насущные вопросы современности, он только поднимает острые темы, обозначает их всем своим творчеством. Но читатель этого не хочет знать, он ждет от поэта хотя бы совета. И потому — как же все-таки быть? «Давай зажжем лампадки огонек. / Пусть от него светлее станет Богу», — с лирической грустью произносит поэт, но лирическая грусть хороша в нежной лирической ситуации, а не тогда, когда на карту поставлена судьба Отечества.

Есть ли вообще надежда, что никакие демократические реформы и самые смелые преобразования не уничтожат страну, что вместе с водою не выплеснут ребенка? «Надежды фитилек» у поэта теплится (мы уже говорили об этом), в разных стихотворениях эта мысль проходит красной нитью: «Нам еще журавлей ожидать» [3, с. 10]; «Злодейское, постыдное засилье / мы пересилим...» [3, с. 65]; «Мы из силков этих выскользнем» [3, с. 107]. В стихотворении «Политический бал» эта надежда звучит еще более определенно, поэт уверен: «Безутешно молчим. / Мы глазами столько впитали... / Догорит / либеральной эпохи костер. / Господа-упыри / разорили страну и народ обокрали. / Разговор предстоит, / не простой разговор» [3, с. 67].

Мысль эта выражена и в стихотворении с «говорящим» названием «Расплата»: «Время, время грядет, лицемерные, / за разбойный платить беспредел» [3, с. 91]. Он верит, что его «разобщенная» страна опомнится, и все вернется — традиции, нравы, стабильность, ценности, а самое главное — согласие и лад между людьми. Не случайно он пишет стихотворение «Возвращение»:

*Спешили, чтобы обладать,
богатством руки согреть,
зреть с пьедестала.*

*Когда ж сказали про погост,
она вдруг встала во весь рост
и — воссияла [3, с. 93].*

Стало быть, согласно Алексею Селичкину, страна не просто вернется к своему величию, она — «воссияет», и это будет не простое движение назад, вспять, а возвращение на новом уровне галактической, вселенской спирали ее вечного поступательного развития. Конечно, великое дело — сами люди, как заметил поэт, «нашей русской земле на людей повезло». Это действительно так, ведь великий русский народ доказал это всей громадностью прошедшей истории, всем своим героическим прошлым, всеми доблестными победами, а главное — умением собираться в минуты опасности.

Характер лирики — это характер самого поэта, это его душа, что «распахнута» миру. А когда душа распахнута, она «крылата. / Ей разве может кто повелевать?» [3, с. 24]. Алексей Селичкин — это безоглядно бескорыстная великорусская душа, и его характер как в капле воды отражает всеобщий национальный характер русского человека. Его Россия — такая же щедрая, великодушная, победоносно крылатая и, как говорил когда-то П. Я. Вяземский, «словно вечность на земле». Вот и А. П. Селичкин уверен:

*Знаю я, России руки
распростерты до сих пор... [3, с. 14].*

Все-таки есть у России пока непонятная миру звездная миссия, когда-нибудь мы все обязательно это поймем, а пока это чувствуют лишь поэты.

ЛЮБОВЬ К ОТЧИЗНЕ — В МОРЕ ПУТЬ...»*

О книге Сергея Сомова «В сыртах Урала»

Критическому реализму жить.

Людмила Авдеева

(«Приокские зори», № 3, 2015 г., стр 210)

* * *

Поэт Сергей Павлович Сомов представляет читателям свою новую книгу «В сыртах Урала»**. Само название книги говорит, что автор во всем — в оценках прошлого, в характеристиках настоящего, в прогнозах на будущее — идет от своих корней. И символично то, что они, корни, находятся в самой сердцевине России — Урале. Сборник стихов Сомова, настоящего мастера поэзии, — это воплощение работы его души и сердца, выражающее огромный духовный смысл, накопленный им на долгом жизненном пути. Поэт глубоко проникает в суть событий, в состояния общества и страны, в чувства человека. Каждое его стихотворение взывает к совести, заставляет думать и чувствовать.

*Поэзия! Кораблем будь,
Надежда — парусами,
Любовь к Отчизне — в море путь,
А доплывем мы сами.*

Эти строки можно поставить эпиграфом ко всему творчеству Сергея Сомова.

Не всякий поэт или прозаик удостоивается предисловия для своей книги известного критика. «...В поэме «Садовое кольцо», заслуженно выдержавшей уже несколько изданий, во весь рост встает альтер-эго поэта — «малокровки набатно-железных лет», не изгоя, не блудного сына, не размокшего в покаянном всхлипе интеллигента, не ищущего сочувствия показного словесного трюкача, не эпигона, не записного красная-плюралитика. Альтер-эго подлинного сына своего трудового века, творца невиданных взлетов и побед страны, соорудившей города новостройки; страны, дотянувшейся до звезд, и страны, подвергшейся смертоносному облучению радиации горбистройки...», — пишет в предисловии к поэтическому сборнику Леонид Васильевич Ханбеков.

Может ли настоящий российский поэт не быть неконформистом?

Нет, он по природе своей не может им не быть. Это вовсе не говорит об активном выступлении против существующего положения вещей, но он всегда в своем творчестве будет честно отстаивать интересы народа, его взгляды всегда будут соответствовать народной общественной позиции.

Почему так? А кто кроме пророка-поэта, сердце которого бьется на одной частоте со страной, возопиет о том, что мировая программа, выражающая чьи-то глобальные интересы, поставила нас уже на грань пропасти? Вот выдержки из этой программы***:

«Мы бросим все, что имеем, все золото, всю материальную мощь на обольванивание русских людей. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти ценности верить. Мы найдем своих единомышлен-

* Сомов С. П. В сыртах Урала. С. 4.

** Сомов С. П. С 61. В сыртах Урала. Стихотворения.— М.: Голос-Пресс, 2015.— 136 с.

*** А. Даллес. «Искусство разведки» (пер. с англ.).— М.: Изд-во «Иностранная литература», 1963 г.

ников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного угасания его самосознания. Из литературы и искусства мы постепенно вытравим их социальную сущность ... Литература, театр, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства ... культ секса, насилия, садизма, предательства ... Мы будем ... способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Честность и порядочность будут осмеиваться ... Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, вражду народов — все это мы будем ловко и незаметно культивировать. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества... Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением... Мы будем драться за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее ...»

Сомов пишет о творцах жесткого и жестокого глобализма:

*...А чикагствующие куркули...
в нетерпенье:
— Распни!
Распни его
на ржавых полюсах Земли —
мессианствующего
русопета!* (Соль аттическая, с. 77)

*... — Нет проблем,
под Калифорнию
расколдуем
Сибирь былинную!
.....
Дранг нах остен!
С распяьем и мошной —
до Беринга...* (Торквемада в гриднице, с. 110)

А что же наш доверчивый народ?

*...Выкатив глаза,
Николки
лезут напролом
на сало
в Даллессовской
мышеловке...* (Зов Атлантиды, с. 128)

* * *

Они глумятся над тобою.

(И. Бунин. «Родине»)

«Не то, чтобы я не видела недостатков эпохи социализма — то есть того варианта его построения, который нам довелось наблюдать, но возмущает прежде всего омер-

220

зительная неразборчивость — не критики — примитивного огульного оплевывания любых отличительных черт данного исторического периода, вплоть до высочайших и уникальнейших достижений, до сих пор являющихся поддерживающим фундаментом нынешней российской действительности», — пишет Наталья Квасникова.

Сожалеет поэт Сомов об утерянном былом, когда люди были социально защищены и имели возможности для развития и подъема по социальной лестнице вне зависимости от наличия денег, когда нравственность, любовь и сострадание к человеку, доброта и взаимовыручка, которые сейчас, может быть, живы лишь на зачаточном, бытовом уровне, преобладали на уровне общественном. Он как писатель отвечает за настоящее время, потому глубоко уважает все то хорошее, что было в нашей стране. И как хорошо, что документы тех лет, опубликованные воспоминания живших тогда людей, литературные и публицистические произведения — ведь это все уже оцифровано — не могут быть выброшены из истории, и потому память о том времени будет жить вечно.

С душевной болью С. Сомов смотрит на разбросанные кругом камни разрушенного здания прошлого. Словно недопетая песня, не реализованная до конца сила, передаются от них автору, он пропускает их через свое сердце, и они громко звучат в его стихах, воздействуя на читателя четко выверенным поэтическим словом, не отпуская его внимания до конца чтения.

Кто же повинен в произошедшем сломе и потерях? — спрашивает С. Сомов и отвечает: тогдашние «*Слуги желтого дьявола, / Разрушители* (Муха-цокотуха, с. 118), которые:

*С бесноватых трибун
родства не помнящие Иваны,
на «совковый» барьер навалясь,
златолобому да Мамоне
гремят осанну
под сурдинку
«Что делать,
войдя во власть?..»* (Соль аттическая, с. 77)

*— Всем по ваучеру!
Не расфордзонитесь —
на себя пеняйте...
А на визит
к Всевышнему
аккурат.* (Отчет семерке, с. 91)

*... — Упечь бы эту
«Рашку»,
куда Макар телят не гонял,
по бушевско-кемпдэвидской
отмашке...* (Повелитель сущего, с. 14)

Да, констатирует поэт, «с такими друзьями / враги уже не нужны» (Соль аттическая, с. 77) и задает вопрос:

*...Тавро какого Чикатилы
Шагрень душонок их
клеймило?! ...* (Пост номер один, с. 31)

* * *

Вот и выросло нынешнее поколение, какое выросло — «поколение пепси». Так и назвал автор 1-ю часть своей книги.

«Горький сказал: «Человек — это звучит гордо!» Плюнем в Горького презрительно-глупым словечком «совок» — и готово: замороженные люди, к сожалению, даже не только молодежь, обсмеют цитату. «Над чем смеетесь», несчастные?— «Над собой смеетесь!» — считает Н. Квасникова.

В своих стихах Сомов страдает ко всем оскорбленным и униженным гражданам России, но всегда видит перед собой конкретного человека, а не человечество в целом.

*Вымираем.
По миллиону в год.
Изласкали «оттепели»
гиперборейское древо...*
(«Революций в России не будет...», с. 22)

*...Где-то там,
в Прибайкалье,
в конуре из панельных льдин,
на решетке чугунной
вымерз
некто Аистов —
бывший гвардеец,
штурмовавший Берлин,
вечный должник
чубайсов... («Революций в России не будет...», с. 25)*

Но еще недавно и сама Россия была не менее унижена:

*...Глобализм...
это не вода и вилы.
Зубы хищника
острее пилы.
Обескрыленные.
Стоим.
С Курилами
из-под полы... (Пост номер один, с. 32)*

*Эта черная роза...
Ветра, ветра.
Русь моя!
влет
подбитая птица безвременья...
(Градоглуповский мироед, с. 83)*

*...Русь святую
умыли
смердяковщиной
солженицынских «былей»?! ...
(«Пятилетка — в четыре года...», с. 100)*

«Писательство и общественная жизнь — явления взаимосвязанные. Широко известно: в своем творчестве писатель отражает в той или иной степени события и явления, которые происходят в обществе и значимы для его развития. Вместе с тем, творческая деятельность мастера слова воздействует на общество и на взгляды, которые становятся стержнем общественной мысли», — пишет Ирина Кедрова.

Вот и поэту Сергею Сомову видно несоответствие модели «либеральной, монетаристской экономики», неадекватного «рыночно-капиталистического разума» и «безумного своекорыстия», ведущих мир к самоуничтожению, самой сути России и народов, населяющих ее. До еще недавнего времени Россия на всех парах мчалась в этом направлении «вперед планеты всей»... Но постепенно и более всего в последние годы страна приходит к осознанию своего особого места в мире и пути развития.

Сейчас многие отмечают феномен Путина. Сожженная Россия, подобно птице Феникс, возрождается из пепла. «Позиция властей по этой важной для любой страны, для любого народа проблеме в последние годы изменилась — и резко...» — говорит Леонид Ханбеков. Однако сказать — так было, но больше не будет, или: «Кончено с Божьей помощью»* пока с полной уверенностью, к сожалению, нельзя. Много еще недобрых факторов действует в нашей жизни.

Автор наверняка согласится с нами, что все революции, в том числе и разрушение Советского Союза — это губительный путь. Однако темы, поднимаемые поэтом — отличный материал для накопления энергии эволюционного движения.

Зов Небесной России побуждает С. Сомова, несмотря на постигшую нас в прошлом катастрофу, верить в наше положительное будущее, в преобразование многих переживаний, страданий, потерь в светлый путь восхождения. Он много думает о будущем России:

*...Порой в трясиный
сорвется юз
грядущей
Руси пята... (Повелитель сущего, с. 16)*

*...Снова Русь
«меж двух враждебных рас»,
как набат,
как пароль,
как тревожное эхо...
С кем «за други своя»
ты на этот раз,
Россия XXI века? («Революций в России не будет...», с. 24)*

* * *

В самом начале нашего отзыва мы писали о глубоких корнях Сергея Сомова. В чем же они? Прежде всего — в памяти детства, которое завораживающе притягивает нас, подпитывает нас энергиями земли, дружбы, родительской любви и новизной знания...

*Этот миг апрельской рани,
склянь разлужий*

* Игнац Мошелес, ученик Бетховена.

*до поры,
чащи в сполохах тумана,
буйство польмя зари!
Глыбой в омут — тяжесть с сердца
горьких дум, тревог, обид...
Мне навстречу, вижу, детство
вдоль кювета семенит. (Детство, с. 44)*

Память войны также укореняет человека поколения Сомова, либо захватившего своим детством те лихие годы, либо родившегося в послевоенные годы, когда родительские судьбы так тесно были связаны с ней.

*Был солдат тот
безус и брав,
хоть судьбою, видать,
не заласкан —
за спиной вещмешок
и пустой рукав
сколом
статуи галикарнасской. (Память, с. 45)*

А как значима малая родина в «корневой системе» человека! Сколько об этом говорилось и писалось, но тема эта никогда не будет избитой, а, напротив, всегда будет живой и близкой, как близок нам отчий дом, наша родная земля, где мы появились на свет.

*...Мать-земля
и я — ковыльная остинка
под напряженным
светом
капельки росы... (Ляхесис, с. 50)*

*...Брезжит
сквозь годов скуделье
росных зорь
мой отчий край.
Сиротеет,
прикорнувши,
старый дом в сиянье грез.
Ах, как исцеляет
душу
пенный водомет берез!
(«Где же ты, тех дней звонкоголосье...», с. 53)*

*...Но все
неодолимее
твое притяжение,
отчий дом. (Преодоление, с. 56)*

*...Этот табор халуп
под нагонной
волн сосняка —
словно беженцы у черты последней,
эти
мышцей
простертые облака —
твой вселенский исход
и твоё наследие... (Дом у дороги, с. 71)*

Сомов — самобытная личность, это видно в каждом его стихотворении. Об этом говорит и глубокая лиричность поэта, казалось бы, с головой ушедшего в социальные и общественные темы. Но разве может истинный художник не подметить красоту, не взволноваться городским или природным пейзажем? А светлая радость и высокая грусть, которые дарует нам любовь к женщине? Все это сполна присутствует в поэзии мастера.

*Стелет тени косые
вдоль хат луна,
озеркаленная торовато.
С кровли,
в пряже антенной,
неистовствует
одна
Бетховеновская соната ... (Кегельбан, с. 38)*

*...Там
на ростаневой глади,
в блеске следа
от саней
под озонным ливнем ладит
колесницу Весновой.
Он промчится
близ купели,
где на холмных берегах
целый день
холстины белит —
Марьюшка-зажги снега... (Марьюшка-зажги снега, с. 46)*

*Как отторгнутый
свет угасших звезд
с высоты мироздания,
до сих пор
мне маячит
в юдоли слез
твоих глаз
сияние. (Динго, с. 51)*

*В сторожке
о восьми углах,*

*вдали от треволнений прежних,
да будет жизнь твоя светла!
Как этот
мартовский подснежник. (Жизнь — светла, с. 52)*

Кому-то может не понравится форма стихотворений Сомова, но каждый поэт пишет так, как чувствует, пишет своим неповторимым стилем, в такт биению своего сердца. Обилие образов и ассоциаций, способность мощно влиять на сознание, а порой и на подсознание читателя,— вот еще черты, характеризующие поэзию Сергея Сомова.

Подлинный мастер стиха, он каждую строку, строфу, каждое стихотворение пишет, как самое важное и последнее. Это происходит от того, что в основе его стихов лежит любовь — к Родине, земле, к каждому уголку отчего края, к народу и конкретному человеку, а не столь модное ныне стремление к успеху во что бы то ни стало, поэтому его стихи так близки читателю.

А вот близки ли они многим деятелям современной российской культуры? Потому Сергей Сомов задается вопросом:

*С кем вы, премногоуважаемые
мастера культуры?
Родина — зовет! ... (Градоглуповский мироед, с. 83)*

Ведь «...человек живет и творит не для себя, не для собственного удовольствия, даже не для своего потомства — продолжения рода, а для продолжения всего человечества в лучших его качествах...»,— устами одного из своих героев говорит Алексей Яшин. Мы полностью согласны с ним, и это можно отнести ко всему творчеству поэта Сергея Сомова.

**Яков Шафран,
зам. главного редактора журнала «Приокские зори»,
лауреат Всероссийских премий «Левша» им. Н. С. Лескова
и «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова**

